

rocketbook

РЭЙ БРЭДБЕРИ

Рэй Дуглас Брэдбери

Летнее утро, летняя ночь (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7458155

*Брэдбери Р. Летнее утро, летняя ночь : рассказы: Эксмо; Москва, СПб; 2014
ISBN 978-5-699-45564-5*

Аннотация

«Летнее утро, летняя ночь» – один из новейших сборников рассказов великого мастера, которому в августе 2010 года исполнилось 90 лет. Выпущенная под Хеллоуин 2008-го, эта книга представляет собой третий том в каноне, начатом классическим романом «Вино из одуванчиков» и продолженным через полвека романом «Лето, прощай».

Здесь под одной обложкой собраны 27 рассказов (одни из них совсем новые, другие представлены в первоначальной авторской редакции), действие которых происходит в любимом с детства миллионами читателей городке Гринтаун – городе, где аромат зреющих яблок дурманит голову, первая любовь обещает быть вечной, а лето не кончается никогда...

Содержание

Лето кончилось	5
Большой пожар	8
Все лето в одну ночь	13
Мисс Бидвелл	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Рэй Брэдбери

Летнее утро, летняя ночь (сборник)

Джону Эллеру, с любовью.

Рэй

Ray Bradbury

SUMMERMORNING, SUMMERNIGHT

Copyright © 2008 by Ray Bradbury

© Петрова Е., перевод на русский язык, примечания, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

* * *

Текст рассказа «Лето кончилось» основан на версии, отобранной автором для сборника «Возждение вслепую» (1997). Тексты остальных ранее публиковавшихся рассказов, включенных в настоящий сборник, основаны на самых ранних опубликованных вариантах. Я признателен Дэвиду Спичу, моему коллеге по Институту американской философии при Университете штата Индиана, за редактирование этого сборника.

Лето кончилось

1948

Два. Один. Два. Хэтти замерла в постели, беззвучно считая тягучие, неторопливые удары курантов на здании суда. Под башней пролегли сонные улицы, а эти городские часы, круглые и белые, сделались похожими на полную луну, которая в конце лета неизменно заливала городок ледяным сиянием. У Хэтти зашло сердце.

Она вскочила, чтобы окинуть взглядом пустые аллеи, прочертившие темную, неподвижную траву. На крыльце едва слышно поскрипывало растревоженное ветром кресло-качалка.

Глядя в зеркало, она распустила тугую учительскую кичку, и длинные волосы каскадом заструились по плечам. То-то удивились бы ученики, подумала она, случись им увидеть эти блестящие черные волны. Совсем неплохо, если тебе уже стукнуло тридцать пять. Дрожащие руки вытащили из комода несколько припрятанных подальше маленьких свертков. Губная помада, румяна, карандаш для бровей, лак для ногтей. Воздушное нежно-голубое платье, как облачко тумана. Стянув невзрачную ночную сорочку, она бросила ее на пол, ступила босыми ногами на грубую материю и через голову надела платье.

Увлажнила капельками духов мочки ушей, провела помадой по нервным губам, оттенила брови, торопливо накрасила ногти.

Готово.

Она вышла на лестничную площадку спящего дома. С опаской взглянула на три белые двери: вдруг распахнутся? Прислонившись к стене, помедлила.

В коридор так никто и не выглянул. Хэтти показала язык сначала одной двери, потом двум другим.

Пока она спускалась вниз, на лестнице не скрипнула ни одна ступенька; теперь путь лежал на освещенное луной крыльцо, а оттуда – на притихшую улицу.

Воздух уже был напоен ночными ароматами сентября. Асфальт, еще хранивший тепло, согревал ее худые, не знающие загара ноги.

– Как давно я хотела это сделать.

Она сорвала кроваво-красную розу, чтобы воткнуть ее в черные волосы, немного помедлила и обратилась к зашторенным глазницам окон своего дома:

– Никто не догадается, что я сейчас буду делать.

Она покружилась, любуясь своим летящим платьем.

Вдоль череды деревьев и тусклых фонарей бесшумно ступали босые ступни. Каждый куст, каждый забор будто бы представал перед ней заново, и от этого рождалось недоумение: «Почему же я раньше на такое не отважилась?» Сойдя с асфальта на росистую лужайку, она нарочно помедлила, чтобы ощутить колючую прохладу травы.

Патрульный полицейский, мистер Уолтцер, шагал по Глен-Бэй-стрит, напевая тенорком что-то грустное. Хэтти скользнула за дерево и, прислушиваясь к его пению, проводила глазами широкую спину.

Возле здания суда было совсем тихо, если не считать, что сама она пару раз ударилась пальцами ног о ступени ржавой пожарной лестницы. На верхней площадке, у карниза, над которым серебрился циферблат городских часов, она вытянула вперед руки.

Вот он, внизу – спящий городишко!

Тысячи крыш поблескивали от лунного снега.

Она грозила кулаком и строила гримасы ночному городу. Повернувшись в сторону пригорода, издевательски вздернула подбородок. Закружилась в танце и безмолвно засмеялась, а потом четыре раза щелкнула пальцами в разные стороны.

Не прошло и минуты, как она с горящими глазами бежала по шелковистым городским газонам.

Теперь перед нею возник дом шепотов.

Притаившись под совершенно определенным окном, она услышала, что из тайной комнаты доносятся два голоса: мужской и женский.

Хэтти оперлась о стену; ее слуха достигали только шепоты, шепоты. Они, как два мотылька, трепетали изнутри, бились об оконное стекло. Потом раздался приглушенный, неблизкий смех.

Хэтти подняла руку к ставням; лицо приняло благоговейное выражение. Над верхней губой проступили бисеринки пота.

– Что это было? – вскрикнул находившийся за стеклом мужчина.

Тут Хэтти, подобно облачку тумана, метнулась в сторону и растворилась в ночи.

Она долго бежала, прежде чем снова задержаться у окна, но уже совсем в другом месте.

В залитой светом ванной комнате – не иначе как это была единственная освещенная комната на весь городок – стоял молодой человек, который, позевывая, тщательно брился перед зеркалом. Черноволосый, голубоглазый, двадцати семи лет от роду, он служил на железнодорожном вокзале и ежедневно брал на работу металлическую коробочку, в которой лежали бутерброды с ветчиной. Промокнув лицо полотенцем, он погасил свет.

Хэтти притаилась под кроной векового дуба – прильнула к стволу, где сплошная паутина да еще какой-то налет. Щелкнул наружный замок, скрипнул гравий под ногами, звякнула металлическая крышка. Когда в воздухе повеяло запахами табака и свежего мыла, ей даже не пришлось оборачиваться, чтобы понять: он проходит мимо.

Насвистывая сквозь зубы, он двинулся по улице в сторону оврага. Она – за ним, перебегая от дерева к дереву: то белой вуалью летела за ильмовый ствол, то лунной тенью укрывалась за дубом. В какой-то миг человек обернулся. Она едва успела спрятаться. С бьющимся сердцем выждала. Тишина. Потом опять его шаги.

Он насвистывал «Июньскую ночь».

Радуга огней, укрепленных над краем обрыва, швыряла его собственную тень прямо ему под ноги. Хэтти была на расстоянии вытянутой руки, за вековым каштановым деревом.

Вторично остановившись, он больше не стал оглядываться. Просто втянул носом воздух.

Ночной ветер принес аромат ее духов на другой край оврага, как у нее и было задумано.

Она не шевелилась. Сейчас был не ее ход. Обессилен от бешеного сердцебиения, она прижималась к дереву.

Казалось, битый час он не решался сделать ни шагу. Ей было слышно, как под его ботинками покорно распадается роса. Теплые запахи табака и свежего мыла повеяли совсем близко.

Он коснулся ее запястья. Она не открывала глаз. А он не произнес ни звука.

Где-то в отдалении городские часы пробили три раза.

Его губы бережно и легко накрыли ее рот.

Потом тронули ухо. Он прижал ее к стволу. И зашептал. Вот, оказывается, кто подглядывал к нему в окна три ночи подряд! Он коснулся губами ее шеи. Вот, значит, кто крадучись шел за ним по пятам прошлой ночью! Он взгляделся в ее лицо. Тени густых ветвей мягко легли на ее губы, щеки, лоб, и только глаза, горевшие живым блеском, невозможно было спрятать. Она чудо как хороша – известно ли это ей самой? До недавних пор он считал ее наваждением. Его смех был не громче тайного шепота. Не сводя с нее глаз, он опустил руку в карман. Зажег спичку и поднял на высоту ее лица, чтобы получше разглядеть, но она притянула к себе его пальцы и задержала в своей ладони вместе с погасшей спичкой. Через мгновение спичка упала в росистую траву.

– Пускай, – сказал он.

Она не поднимала на него взгляда. Он молча взял ее за локоть и увлек за собой.

Глядя на свои незагорелые ноги, она дошла вместе с ним до края прохладного оврага, на дне которого, меж замшелых, поросших ивами берегов, струилась бесшумная речушка.

Он помедлил. Еще немного – и она подняла бы глаза, чтобы убедиться в его присутствии. Теперь они стояли на освещенном месте, и она старательно отворачивала голову, чтобы ему было видно только ниспадающую темноту ее волос и белизну предплечий.

Он сказал:

– Ты не обязана заходить дальше. В какой стороне твой дом? Можешь отправляться к себе. Но если убежишь, больше не приходи – я не стану такое терпеть ночь за ночью. Это не по мне. У тебя есть выбор. Хочешь – беги!

Мрак летней ночи вдохнул ее спокойное тепло.

Ответом была ее рука, потянувшаяся к нему.

* * *

На следующее утро, спустившись по лестнице, Хэтти застала бабушку, тетю Мод и кузена Джейкоба, которые за обе щеки уминали остывший завтрак и не сильно обрадовались, когда она тоже подвинула себе стул. Хэтти вышла к ним в унылом длинном платье с глухим воротом. Ее волосы были собраны в небольшую тугую кичку; на тщательно умытом лице бескровные губы и щеки казались совсем белыми. От подведенных бровей и накрашенных ресниц не осталось и следа. Ногти будто никогда не знали сверкающего лака.

– Опаздываешь, Хэтти, – как сговорившись, протянули все хором, стоило ей только присесть к столу.

– На кашу не налегай, – предостерегла тетя Мод. – Уже полдевятого. В школу пора. Директор тебе задаст по первое число. Нечего сказать, хороший пример учительница подает ученикам.

Все трое сверлили ее глазами. Хэтти улыбалась.

– За двенадцать лет впервые опаздываешь, Хэтти, – не унималась тетя Мод.

Все так же улыбаясь, Хэтти не двигалась с места.

– Давно пора выходить, – сказали они.

В прихожей Хэтти прикрепила к волосам соломенную шляпку и сняла с крючка свой зеленый зонт. Домочадцы не спускали с нее глаз. На пороге она вспыхнула, обернулась и посмотрела на них долгим взглядом, будто готовилась что-то сказать. Они даже подались вперед. Но она только улыбнулась и выскочила на крыльцо, хлопнув дверью.

Большой пожар

1949

В то утро, когда разгорелся большой пожар, домочадцы оказались бессильны. Пламенем объяло мамину племянницу Марианну, которая гостила у нас, пока ее родители путешествовали по Европе. Так вот: никто не сумел разбить стекло установленного на углу огнетушителя в красном кожухе, чтобы, щелкнув тумблером, включить систему борьбы с огнем и вызвать пожарных в железных касках. Вспыхнув ярче целлофановой обертки, Марианна спустилась в столовую, издала то ли вопль, то ли стон, плюхнулась на стул и едва притронулась к завтраку.

Мама с отцом так и отпрянули – на них повеяло нестерпимым жаром.

– Доброе утро, Марианна.

– А? – Марианна посмотрела сквозь них и рассеянно произнесла: – А, доброе утро.

– Как спалось, Марианна?

На самом-то деле они знали, что ей вообще не спалось. Мама налила Марианне воды, и все ждали, что в девичьих руках из стакана повалит пар. Бабушка, устроившись в своем обеденном кресле, изучила воспаленные глаза Марианны.

– Да ты нездорова, только это не вирус, – заключила она. – Под микроскопом и то не разглядишь.

– Что-что? – переспросила Марианна.

– Любовь – крестная мать глупости, – некстати высказался отец.

– Все пройдет, – обратилась к нему мама. – Это только кажется, что девушки глупенькие, – потому что любовь плохо влияет на слух.

– Любовь плохо влияет на вестибулярный аппарат, – сказал отец. – От этого девушки падают прямиком в мужские объятия. Уж я-то знаю. Меня чуть не раздавила одна молодая особа, и могу сказать...

– Тише ты! – Мама, покосившись в сторону Марианны, нахмурилась.

– Да она не слышит: у нее ступор.

– Он сейчас подъедет на своей колыхаге, – шепнула мама, обращаясь к отцу, словно Марианны рядом не было, – и они поедут кататься.

Отец промокнул губы салфеткой.

– Неужели наша дочь была такой же, мамочка? – спросил он. – Что-то я подзабыл – она уж давно самостоятельная, столько лет замужем. Не припоминаю, чтобы она так же глупила. Когда девушка в таком состоянии, у нее ума не заметно. Мужчину это и подкупает. Он себе думает: «Симпатичная дурешка, обо мне мечтает, женюсь-ка я на ней». Женился, а наутро просыпается – мечтательности как не бывало, откуда ни возмись мозги появились, барахло уже распаковала, лифчики-трусики по всему дому развешивает. Того и гляди, в бечевках и веревках запутаешься. А мужу из целого мира остается крохотный островок – гостиная. Потянулся за медом, а угодил в медвежий капкан; радовался, что поймал бабочку, а пригляделся – оса. Тут он начинает выдумывать себе увлечения: филателия, масонство, а то еще...

– Хватит, сколько можно! – вскричала мама. – Марианна, расскажи-ка нам про своего молодого человека. Как его там? Айзек ван Пелт, верно?

– Что-что? А... да, Айзек.

Всю ночь Марианна металась в постели: то хватала томик стихов и разбирала витиеватые строки, то переворачивалась со спины на живот, чтобы поглядеть в окно на сонный мир, залитый лунным светом. Всю ночь ее истязал аромат жасмина и мучила необычная для

ранней весны жара (а термометр показывал пятьдесят пять по Фаренгейту¹). Загляни кто в замочную скважину – увидел бы в кровати полудохлого мотылька.

А наутро она встала перед зеркалом, хлопнула в ладоши над головой и спустилась к завтраку, едва не забыв натянуть платье.

За столом бабушка то и дело чему-то посмеивалась. Наконец она не выдержала и сказала вслух:

– Надо покушать, детка, а то сил не будет.

Тогда Марианна отщипнула кусочек тоста, повертела его в пальцах и откусила ровно половинку. В этот миг за окном взвыл клаксон. Это приехал Айзек! На своей колыхаге!

– Ой! – воскликнула Марианна и пулей вылетела из-за стола.

Юный Айзек ван Пелт был приглашен в дом и представлен родне.

Когда Марианна в конце концов укатила, отец опустил в кресло и утер пот со лба.

– Ну и ну. Это уже ни в какие ворота...

– Да ведь ты сам говорил, что пора ей ходить на свидания, – поддела мама.

– Не знаю, кто меня за язык тянул, – сказал отец. – Но она тут околачивается уже полгода, и еще столько же осталось. Вот я и подумал: если бы ей найти подходящего парня...

– ...и выйти за него замуж, – мрачно проскрипела бабушка, – то она бы от нас быстрее съехала, правильно?

– В общих чертах, – сказал отец.

– В общих чертах, – повторила бабушка.

– Чем дальше, тем хуже, – не выдержал отец. – Девчонка летает по дому с закрытыми глазами, что-то поет, крутит эти пластинки с любовными песнями, будь они прокляты, и разговаривает сама с собой. Человеческому терпению есть предел. Она, кстати, еще и хохочет без причины. Интересно, в психушке много восемнадцатилетних?

– Кажется, приличный молодой человек, – заметила мама.

– Остается только уповать на волю Божию. – Отец достал рюмку. – За ранние браки!

На другое утро Марианна, заслышав автомобильный гудок, шаровой молнией ринулась за дверь. Молодой человек даже не успел подняться на крыльцо. Только бабушка, притаившаяся у окна гостиной, видела, как парочка умчалась вдаль.

– Чуть с ног меня не сбила. – Отец пригладил усы. – Что происходит? Мозги плавятся? Ну-ну.

К вечеру Марианна заявила домой и протанцевала через гостиную к шкафу с пластинками. Зашипела игла граммофона. Песня «Древняя черная магия»² была прокручена двадцать один раз, а Марианна, подпевая «ля-ля-ля», с закрытыми глазами кружилась по комнате.

– В собственном доме не войти в гостиную, – сетовал отец. – Я ушел на пенсию, чтобы курить сигары и наслаждаться жизнью, а приходится смотреть, как под люстрой вьется и жужжит это слабое создание – племянница.

– Тише ты! – шикнула мама.

– Для меня это жизненный крах, – объявил отец. – Хорошо еще, что она всего лишь приехала в гости.

– Ты же понимаешь, что значит для девушки приехать в гости. Вдали от дома ей кажется, будто она во Франции, в Париже. В октябре она от нас съедет. Осталось всего ничего.

¹ Тринадцать по Цельсию.

² «That Old Black Magic» (1942) – популярная песня Гарольда Арлена и Джонни Мерсера; исполнялась оркестром Глена Миллера, Фрэнком Синатрой, Эллой Фицджеральд, Мэрилин Монро (в фильме «Автобусная остановка») и многими другими.

– Это как посмотреть, – выговорил отец, прикинув кое-что в уме. – Может, я до того времени не дотяну сто тридцать дней и сам от вас съеду – на кладбище. – Он вскочил со стула и в сердцах отшвырнул газету, которая белым шатром застыла на полу. – Честное слово, мамочка, сейчас я ей все выскажу.

Решительным шагом он направился к дверям гостиной и остановился, наблюдая за танцующей Марианной.

– Ля! – пропела она в такт музыке.

Кашлянув, отец ступил через порог.

– Марианна! – окликнул он.

– «Древняя черная магия...» – выводила Марианна. – Что-что?

Он следил за плавными движениями ее рук. Протанцевав мимо отца, она вдруг испепелила его взглядом.

– Мне надо с тобой поговорить. – Он поправил галстук.

– Да-дум-ди-ду-дум-ди-дум-ди-ду-дум, – распевала она.

– Ты меня слышишь? – сурово спросил отец.

– Он такой душка, – бросила она.

– Не спорю.

– Подумать только, он кланяется и распахивает передо мной двери, прямо как швейцар, и еще играет на трубе не хуже Гарри Джеймса, а сегодня утром привез мне букет ромашек!

– Допустим.

– У него голубые глаза. – Она воздела взор к потолку.

Отец не углядел там ничего примечательного.

А она все смотрела в потолок, где не было ни малейшей протечки, ни трещинки, и без остановки кружилась в танце, даже когда отец подошел совсем близко и со вздохом повторил:

– Марианна.

– В ресторанчике у реки мы ели омаров.

– Омары – понятное дело, но мы не хотим, чтобы ты переутомлялась, выбивалась из сил. Когда-нибудь – вот прямо завтра – останься дома, помоги тете Мэт подрубить салфеточки.

– Да, сэр. – Как во сне, она плыла по комнате, расправив крылья.

– Ты слышала, что тебе сказано? – вышел из себя отец.

– Да, – шепнула она. – О да. – И снова, не открывая глаз: – Да-да.

А потом под шуршанье юбок добавила:

– Дядюшка. – И запрокинула голову, раскачиваясь из стороны в сторону.

– Так ты поможешь тете? – прокричал отец.

– ...подрубить салфеточки, – промурлыкала она.

– Вот так-то! – Вернувшись в кухню, отец присел на стул и подобрал с пола газету. – Не кто-нибудь, а я поставил ее на место!

* * *

Тем не менее на следующее утро, не успев спустить ноги с кровати, он услышал оглушительные вопли автомобильного гудка, под которые Марианна сбежала вниз, на пару секунд задержалась в столовой, бросила что-то в рот, помедлила у дверей ванной, пока сообщала, вырвет ее или нет, а потом хлопнула входной дверью – и колымага задрезбужжала по мостовой, унося вдаль фальшиво распевующую парочку.

Отец обхватил голову руками.

– С салфеточками надули-с, – пробормотал он.

– Ты о чем? – спросила мама.

– «Дулиз», – ответил отец. – Загляну-ка я в «Дулиз» с утра пораньше.

– «Дулиз» только в десять открывается.

– Тогда еще полежу, – решил отец и смежил веки.

Весь вечер и еще семь безумных вечеров подвесная скамья на открытой веранде выводила свою скрипучую песню: туда-сюда, туда-сюда. Гостиную оккупировал отец: видно было, как он с мстительным удовольствием затягивался десятицентовой сигарой и вишневый огонек освещал его неизменно-трагическое лицо. А на веранде мерно поскрипывала подвесная скамья. Отец ждал очередного скрипа. Снаружи до его слуха доносились какие-то шепоты, словно трепыханье ночной бабочки, приглушенные хохотки и милые незначущие словечки, предназначенные для нежных ушек.

– У меня на веранде, – выдавил отец. – На моей скамье, – шепнул он своей сигаре, глядя на огонек. – В моем доме. – Он дождался следующего скрипа. – Боже мой.

Сходив в чулан, он появился на темной веранде с поблескивающей масленкой в руках.

– Ничего-ничего. Вставать не обязательно. Я не помешаю. Вот только здесь и еще тут.

Он смазал скрипучие соединения. Тьма была – хоть выколи глаза. Марианну он не видел, только чувствовал ее запах. От аромата ее духов он чуть не свалился в розовые кусты. Не видел он и ее кавалера.

– Спокойной ночи, – выговорил он.

Вернувшись в дом, он уселся в гостиной: скрипа как не бывало. До его слуха доносился только стук сердца Марианны; а может, это был трепет крыльев ночной бабочки.

– По всей видимости, приличный молодой человек, – сказала мама, появившись на пороге с кухонным полотенцем и вымытой тарелкой в руках.

– Надеюсь, – шепотом ответил отец. – Иначе стал бы я их пускать, что ни вечер, на свою веранду!

– Действительно, столько дней подряд, – сказала мама. – Если девушка так часто встречается с молодым человеком, значит, у них серьезно.

– Не иначе как сделает ей предложение, прямо сегодня! – озарила отца счастливая мысль.

– Рановато еще. И потом, она так молода.

– Ну и что? – размышлял вслух отец. – Это не исключено. Все к тому идет, ей-богу.

Бабушка, утопая в мягком кресле, задвинутом в угол, тихонько прыснула. Казалось, это зашелестели страницы древнего фолианта.

– Что смешного? – не понял отец.

– Сам увидишь, – ответила бабушка. – Прямо завтра.

Отец напряженно вглядывался в темноту, но бабушка была нема как рыба.

* * *

– Значит, так, – произнес за завтраком отец и благосклонно, по-родственному оглядел яичницу. – Значит, так: бог свидетель, ночью на веранде шепотки *не умолкали*. Как там его зовут? Айзек? Так вот: если я хоть что-то смыслю, этой ночью он сделал Марианне предложение; да, не сомневаюсь!

– Как было бы славно, – сказала мама. – Весенняя свадьба. Только очень уж *поспешно*.

– Слушай, – возразил отец с полным ртом логики, – Марианна из тех девиц, что спят и видят, как бы выскочить замуж. Не станем же мы ей мешать, правда?

– В порядке исключения должна признать, что ты прав, – сказала мама. – Законный брак оказался бы очень кстати. Весенние цветы, Марианна в подвенечном наряде – я на той неделе присмотрела в «Хейдекере» дивное платье.

Все взгляды устремились на лестницу, по которой вот-вот должна была спуститься Марианна.

– Я, конечно, извиняюсь, – зашуршала бабушка, подняв глаза от ломтика подсушенного хлеба. – Только я бы на вашем месте не спешила радоваться, что Марианну удалось сбыть с рук.

– Это почему?

– Да потому.

– То есть как?

– Жаль вас огорчать, – с усмешкой прошелестела бабушка и язвительно покачала усохшей головой, – но пока вы, милые мои, раздумывали, как бы выдать Марианну замуж, я с нее глаз не спускала. Семь дней кряду этот юнец подкатывал на машине и гудел под окнами. Видно, артист или фокусник, не иначе.

– Как это? – не понял отец.

– Да вот так, – сказала бабушка. – То он молодой блондин, то долговязый брюнет, в среду – щеголь с темными усиками, в четверг – рыжий и кудрявый, в пятницу – коротышка, да еще подкатил на стареньком «шевроле», а не на «форде».

Мать с отцом остолбенели, будто каждый получил молотком в область левого уха.

Наконец отец, побагровев, закричал:

– На что ты намекаешь? Ты, женщина, спокойно смотрела, как эти негодяи... и у тебя...

– А что ж ты сам отсиживался? – огрызнулась бабушка. – Тебе лишь бы тишь да гладь. Кабы вышел на свет божий – увидел бы своими глазами, вот как я. Только я помалкивала. Пусть перебесится. Сейчас у нее время такое. Каждая женщина должна через это пройти. Бывает тяжело, но от этого еще никто не умирал. Новый молодой человек каждый день – что может быть лучше, если девушке не хватает уверенности!

– Ах ты... Ты, ты, ты, *ты*! – Отец задохнулся, у него бешено засверкали глаза и надулась шея, грозя разорвать воротник.

Он бессильно откинулся назад. Мама онемела.

– Всем доброе утро! – Марианна сбегала по ступенькам и плюхнулась на стул.

Отец просверлил ее взглядом.

– Это все ты, ты, ты, ты, ты, – твердил он бабушке.

«Сейчас заору и побегу по улице, – думал, как безумный, отец, – разобью стекло пожарной сигнализации, рвану вниз рычаг, и пусть примчатся пожарные машины с брандспойтами. А когда повалит снег – по весне такое не редкость, – выставлю Марианну на мороз: пусть остынет».

Но он не сделал ни первого, ни второго. Для того времени года, на какое указывал настенный календарь, в столовой было слишком жарко, и все перекочевали на открытую веранду, где прохладнее, а Марианна осталась сидеть над стаканом апельсинового сока.

Все лето в одну ночь

1950

– Большой вымахал, не поднять! – Дед подбросил его к сверкающей люстре.

Сидевшие за столом постояльцы расхохотались, не выпуская из рук вилки и ножи. Десятилетний Дуг был пойман в воздухе и усажен на стул; бабушка налила ему поварешку обжигającego супа. Сухарики, если надкусить, хрустели, как снег. Кристаллы соли играли не хуже бриллиантов. А в дальнем конце стола, опустив, по обыкновению, взгляд серых глаз на свои руки, которые помешивали ложечкой кофе или отламывали кусочек имбирного печенья, чтобы положить на него чуть-чуть масла, примостилась мисс Леонора Уэлкс, с кем мужчины никогда не сидели на садовых качелях и не ходили летними ночами гулять в городской овраг. Мисс Леоноре оставалось только провожать взглядом из окна летний дрейф парочек по темным тротуарам, а у Дуга от этого сжималось сердце.

– Здравсьте, мисс Леонора, – обратился он к ней.

– Здравствуй, Дуг. – Ее ответ пролетел над курганами дымящейся еды, и жильцы на мгновение повернули головы, но тут же продолжили обычный ритуал.

О, мисс Уэлкс, думал он, мисс Уэлкс! Всадить бы каждому из этих едоков серебряную вилку в бок, чтоб вели себя уважительно, когда мисс Уэлкс просит передать масленку. А то ведь даже не поворачиваются в ее сторону – треплются себе с другими. На люстру и то обращали больше внимания, чем на мисс Уэлкс. «Красивая, правда?» – восхищались они. «Просто блеск!» – кричали наперебой.

Но они не знали мисс Уэлкс так, как знал ее он. Она сверкала разными гранями почище хрустальной люстры, если смотреть под правильным углом: только развесели – и ее смех зазвенит на открытой летней веранде мелодичными китайскими колокольчиками. Но нет, для постояльцев она была – что паутина на стенке или пыль под ногами, и Дуглас, готовый провалиться сквозь землю, вжимался в стул и не сводил с нее глаз, пока расправлялся с супом и салатом.

Из своих комнат спустились, щебеча, три молодые женщины, припозднившиеся к ужину. Эти всегда приходили последними, как примадонны, выплывающие на сцену из потертой бархатной кулисы. Они завели манеру брать друг дружку за плечи и разглядывать, чтобы удостовериться, ровно ли нарумянены щеки, не выбилась ли прядочка из прически, не склеились ли ресницы, покрашенные тушью из особой коробочки, куда требовалось прежде поплевать; после такой проверки все трое еще немного медлили, расправляли юбки и только тогда представляли перед публикой, а мужчины-постояльцы разве что не устраивали овацию.

– Приветик, Том, Джим, Билл. Джон, Питер, приветик!

С набитыми ртами пятеро поименованных вскакивали из-за стола и выдвигали стулья для молодых прелестниц; от общего хохота люстра издавала мученический стон.

– Смотрите, что я получила!

– Поглядите, что у меня!

– А у меня – вот что!

Дамочки хвалились подарками, непременно распаковывая свертки за общим столом. Ну ладно, сегодня было Четвертое июля, но и в другие, хоть чем-то примечательные дни происходило то же самое – они развязывали ленточки и восклицали: ах, зачем же, право! Даже на День памяти павших были подарки, вот ведь до чего доходило. На дни рождения Линкольна, Вашингтона и Джефферсона, на День Колумба, на пятницу тринадцатого числа. Анекдот, да и только. А однажды им преподнесли сувениры в обычный будний день, причем с записочками: «По случаю понедельника!» Это событие вспоминали потом еще полгода.

Сейчас они, гремя коробочками, дергали банты кроваво-красными ногтями, а в отдалении, где соединялись два берега едоков, сидела мисс Леонора Уэлкс, которая и так-то ела небольшими кусочками, а теперь еще более замедлила трапезу, неслышно положила вилку и ждала, когда под хрустальным светом люстры откроются взору новые подношения.

– Духи! В звездно-полосатом футляре!

– Ароматические соли для ванны, а флакон в виде шутихи!

– Конфеты! Уложены столбиками, как хлопушки!

Все выразили восхищение.

Мисс Леонора Уэлкс тоже сказала:

– Какая прелесть!

И почти сразу:

– Спасибо. Замечательный ужин.

– А десерт не будете? – удивилась бабушка.

– В меня больше не поместится. – С этими словами мисс Уэлкс, улыбаясь, выскользнула из-за стола.

– Понюхайте! – вскричала одна из дамочек, проведя откупоренным флаконом под мужскими носами.

– Ах! – восхитились все разом.

* * *

Дуглас пулей вылетел из дверей; створки еще не успели сомкнуться у него за спиной, а он уже – в шестьдесят восемь прыжков, босиком – пересек прохладную зеленую лужайку. В кармане позвякивала мелочь – остаток от суммы, скопленной на праздничные хлопушки, причем остаток весьма приличный. Босые ступни зашлепали по нагретому солнцем асфальту, перебежали через дорогу и остановились перед витриной лавки миссис Зингер, где красовались разложенные красными кругами чертики, торпеды в опилках, десятидюймовые петарды – такие кому хочешь голову снесут и на дерево закинут вместо футбольного мяча, а рядом девятидюймовые – эти могут консервную банку зафитилить аж на солнце, и огненные шары – большая редкость, красотища, прямо как усталые бабочки, красные, белые, синие, сложившие шелковистые крылышки, но готовые вспорхнуть, напитаться теплым воздухом и улететь в летнюю ночь, прямо к звездам. Да, много там было ценных вещей, так бы и рассовал их по карманам, но почему-то, стоя у витрины и пересчитывая монеты – десять, двадцать, сорок центов, доллар семьдесят, – бережно хранимые, заработанные стрижкой газонов и кустарников, он оглянулся на бабушкин дом и нашел глазами самое верхнее окошко под маленьким зеленым куполом, затворенное даже в жару и вечно полуприкрытое шторами. Окошко мисс Уэлкс.

Через полчаса на улицу начнут дружно, как летний ливень, высыпать мальчишки; голые пятки дождевыми каплями застучат по тротуарам, а руки будут сжимать всякую пиротехнику, хотя обожженные большие пальцы, пропахшие серой и гарью, и без того замотаны маленькими тюрбанчиками пластыря; его тоже закружит горящая карусель, когда ребята станут размахивать бенгальскими огнями, чтобы расцветить летнюю духоту искристой вязью своих имен и судеб, оставляющей после себя огромные белые знаки – их светящийся след можно разглядеть из окна хоть в три часа ночи, когда не спится после такого дня и такого вечера. Через полчаса он станет толстым обладателем сокровищ: в нагрудные карманы перекочуют торпеды, а с денежками придется расстаться. Но это – потом. А пока он крутил головой, переводя взгляд от верхнего окна в бабушкином доме к магазинной витрине, которая ломилась от взрывчатых чудес.

Не счесть, сколько раз зимними вечерами входил он в каменное здание городской библиотеки и видел там мисс Уэлкс: у локтя – штемпельная подушечка, в руке – лиловый каучуковый штемпель, а за спиной – необъятные книжные стеллажи.

– Добрый вечер, Дуглас.

– Здрасьте, мисс Уэлкс.

– Помочь тебе найти новых друзей?

– Да, мэм.

– Знаю одного человека по фамилии Лонгфелло, – говорила она. – Знаю человека по фамилии Уиттиер.

Вот, пожалуй, и весь разговор. Интереснее всего была не сама мисс Уэлкс, интереснее всего были ее знакомые. Осенними вечерами, когда библиотека по непонятной причине могла пустовать несколько часов кряду, она говорила: «Схожу-ка я за мистером Уиттиером». И скрывалась за теплыми полками, а вернувшись, усаживалась под зеленым стеклянным колпаком настольной лампы и открывала книгу сообразно времени года, а Дуглас, сидя на табурете, смотрел, как она шевелит губами; большую часть времени ей даже не требовалось сверяться со словами – она просто отводила взгляд или вообще закрывала глаза, а сама читала стихотворение про тыкву:

В лесу – виноград, на лещине – орехи.
Но разве годятся они для потехи,
Чтоб вырезать ножиком жуткие маски
Да свечки внутри запалить для остротки?!

И, уходя домой, Дуглас, как зачарованный, тянулся вверх.

А серебристыми зимними вечерами, когда его рука, вместе с рукой ветра, настежь распахивала двери библиотеки, да так, что на самых дальних прилавках шевелились пылинки, а журналы в больших пустынных залах начинали перелистывать собственные страницы, кто оказывался самым желанным гостем? Ну конечно же, добрый друг мисс Уэлкс, мистер Роберт Фрост. Фрост, «мороз» – самая зимняя фамилия! У него было стихотворение про то, как зимним вечером лес прямо на глазах полнится снегом...

А летом – не далее как вчера – опять мистер Уиттиер; горожане прятались от духоты в каменных домах или отдыхали на открытых верандах; библиотека раскалилась, как печка, и под зеленым стеклянным колпаком звучало:

Каждое утро
Мальчонка босой
В поле проходит
Крещение росой.

И овальное лицо мисс Уэлкс, обрамленное паутинкой седеющих волос, ничем не примечательное, будто по волшебству заливалось румянцем, губы увлажнялись, в глазах вспыхивали отраженные от книжных страниц блики, а волосы озарялись ярким блеском!

Зимой он пробивался к дому через заколдованную ледяную пустыню, летом – сквозь горячие ветры чудес: каждое время года было особенным после вечерних чтений мисс Уэлкс, потому что у нее было много друзей, с которыми она, выбрав момент, знакомила и Дугласа. Мистер По, мистер Сэндберг, мисс Эми Лоуэлл, мистер Шекспир.

Створка двери под его рукой отъехала вбок.

– Миссис Зингер, – заговорил он, – у вас продаются духи?

* * *

Подарочный сверток, прислоненный к ее двери, лежал на верхней площадке. Ужин закончился раньше обычного, уже к шести часам. В преддверии шумного праздника всюду наступило затишье. Только снизу доносилось звяканье посуды, расставляемой по кухонным полкам. Затаившись на последней лестничной ступеньке, перед полутемным входом на чердак, Дуглас ждал, что мисс Уэлкс вот-вот повернет медную дверную ручку и сверток упадет к ее ногам, неподписанный, анонимный, перевязанный блестящей лентой и сверкающий золотыми звездочками.

Наконец дверь отворилась. Сверток упал.

У мисс Уэлкс был такой вид, будто она стоит над обрывом и не знает, что ее ждет. Медленно оглядевшись по сторонам, она нагнулась за подарком. Сверток остался нераскрытым: мисс Уэлкс застыла на пороге, держа его в руках. Дуглас услышал, как она возвращается к себе в комнату и кладет находку на стол. Шороха бумаги так и не было. Она разглядывала подарочную упаковку, ленты, звездочки, но не решалась дотронуться.

«Мисс Уэлкс, ну что же вы, мисс Уэлкс!» – едва не закричал он.

Через полчаса она вышла на веранду, опустилась в кресло, сложив на груди тонкие руки, и стала смотреть на дверь. Таков был летний ритуал: по вечерам все выходили посидеть на веранде, в креслах-качалках, на расшитых подушках; женщины болтали за рукоделием, мужчины курили, дети лениво играли на ступенях. Но сейчас для этого было рановато, веранды еще хранили жару, отголоски дня на время утихли, годовщина Гражданской войны за независимость взяла отсрочку на час под бульканье лимонада и звяканье посуды в кухонных раковинах. На улице не было ни души, кроме мисс Леоноры Уэлкс; от ее бледности не осталось и следа, она раздумянулась и всем телом подалась вперед, не отводя взгляда от входной двери. Дуглас залез на дерево и молча наблюдал за ней с высоты. Он не стал ее окликать, и она его не замечала; так прошел час; на город опускались сумерки. Дом огласился звуками праздничных приготовлений. Неистово трезвонили телефоны, туфли отбивали дробь по каскадам лестниц, трое дамочек хихикали, хлопали дверями ванных комнат и в конце концов поодиночке прошествовали вниз, по ступеням парадного крыльца, каждая под ручку со своим ухажером. Всякий раз, когда распаивалась входная дверь, мисс Уэлкс подавалась вперед с неудержимой улыбкой. И каждый раз откидывалась на спинку кресла при виде молодых девиц, наряженных во что-то зеленое и струящееся: они, как головки чертополоха, улетали с ветром в полумрак, одаривая смехом своих кавалеров.

В доме оставались только мистер Бритц и мистер Джеррик, которые тоже занимали верхние комнаты, через площадку от мисс Уэлкс. Каждый из них лениво насвистывал, бреясь перед зеркалом, а потом долго возился с галстуком.

Мисс Уэлкс перегнулась через гроздь герани, чтобы заглянуть к ним в окна. Со стороны было заметно, что у нее участилось сердцебиение, потому что ее лицо приобрело форму сердечка и покраснелось. Она искала глазами того, кто сделал ей подарок.

Тут Дуглас втянул носом это благоухание. И едва не свалился с дерева.

Мисс Уэлкс нанесла капельки духов на шею и мочки ушей, причем не раз и не два: «Аромат летней ночи», девяносто семь центов за флакон! И специально села так, чтобы теплый ветер встречал волной этого аромата каждого, кто выйдет на веранду. Так она по своему говорила: «Я получила ваш подарок. Ну как?»

«Это – от меня, мисс Уэлкс!» – безмолвно кричал Дуглас, свешиваясь с дерева и холодея, как сосулька.

– Добрый вечер, мистер Джеррик. – Мисс Уэлкс привстала с кресла.

– Вечер добрый. – Возникший на пороге мистер Джеррик повел носом, глядя в ее сторону. – Хорошего вам отдыха. – И, насвистывая, сошел по ступенькам.

Значит, оставался только мистер Бритц, который вышел в лихо надвинутой на один глаз соломенной шляпе, мурлыча какой-то мотивчик.

– Я здесь, – проговорила мисс Уэлкс и поднялась с кресла в полной уверенности, что наконец-то дождалась: он выходил из дому последним.

– Вижу, – прищурился мистер Бритц. – А запах-то, запах! Не думал, что вы любите духи.

– Это подарок.

– Что ж, неплохо. – И мистер Бритц танцующей походкой спустился по ступеням, с шиком закинув на плечо тросточку. – Счастливо повеселиться, мисс Уэлкс.

Мисс Уэлкс по-прежнему сидела в кресле, а Дуглас свешивался с прохладного дерева. В кухне уже никто не гремел посудой. Вот-вот должна была выйти бабушка со своей любимой подушкой и бутылочкой снадобья от комаров. Дед привычным движением обрежет кончик дешевой сигары и начнет пыхать, убивая наповал всех насекомых, которые к нему приблизятся; вскоре на празднование Дня независимости в Сполдинг-Хаус явятся тетушки со своими мужьями, и будет устроен фейерверк: под всполохами звездного дождя дед займет позицию посреди неосвещенной лужайки, преобразится в Юлия Цезаря, торжественно поднимет вверх римские свечи и направит в нужную сторону пучки красного огня в шипящих кольцах искр и дыма, а гости, словно по велению шамана, разинут рты и заахают, покрываясь сине-красно-желто-белыми пятнами от разрывов праздничных ракет под облачно-звездным небом. Задребезжат оконные стекла. А мисс Уэлкс будет сидеть среди чужих людей и благоухать, пока ее духи не выдохнутся под натиском печальных запахов трута и серы.

* * *

Тускло освещенная улица огласилась детскими криками: приятели звали Дугласа гулять, но он не отвечал, затаившись в своем укрытии. В кармане оставалось ровно полтора доллара. Мальчишки убежали в темноту.

Дуглас раскачался и, спрыгнув с ветки, приземлился точно у крыльца.

– Мисс Уэлкс?

– Да? – Она подняла голову.

Почему-то в последний момент он оробел. А вдруг она откажется, вдруг от смущения убежит к себе наверх, запрется в комнате и больше не выйдет?

– Сегодня вечером, – решил он, – в кино идет бесподобный фильм. «Здравствуй, опасность», с Гарольдом Ллойдом. Сеанс в восемь, а после можно поесть мороженого – кафе «Миднайт-драгстор» открыто до без четверти двенадцать. Я мигом, только переоденусь.

Ни слова не говоря, она посмотрела на него сверху вниз. Потом открыла дверь и начала подниматься по лестнице.

– Мисс Уэлкс! – закричал он.

– Решено, – отозвалась она. – Беги, тебе еще надо обуться!

* * *

В половине восьмого, когда стали собираться гости, Дуглас пригладил мокрые вихры и вышел на веранду в темном костюме и синем галстуке, обутый в тяжелые, тесные ботинки.

– Дуглас, ты куда? – загалдели тетушки, дядя и бабушка с дедом. – А как же фейерверки?

– Да ну их.

Он покосился туда, где лежали наготове упоительно пахнущие порохом яркие петарды, шутихи и ракетницы, но самое главное – три огненных шара, сложившие до поры до времени свои крылья; он был сам не свой до этих шаров, потому что они летали, как летние сны, беззвучно уходили все дальше и дальше в неподвижную тишину и дышали мягким сиянием, покуда хватало сил провожать их взглядом. Да, тоскливо будет без огненных шаров, киношка «Элит» с ними не сравнится...

Среди гостей пробежал шепоток; тут створки двери скользнули в стороны, и на веранде появилась мисс Уэлкс.

– Добрый вечер, мистер Сполдинг, – обратилась она к Дугласу.

– Добрый вечер, мисс Уэлкс, – отозвался он.

На ней был элегантный, отутюженный серый костюм, которого прежде никто не видел, и соломенная шляпка; в неярком свете фонаря она всем своим обликом напоминала ожившее мраморное изваяние богини, сошедшее с огромных библиотечных часов.

– Идемте, мистер Сполдинг?

И Дуглас помог ей спуститься с крыльца.

– Хорошего вам праздника, – пожелали гости.

– Дуглас! – окликнул дед.

– Да, сэр?

– Дуглас... – Дед вынул изо рта сигару и помолчал. – Отложу-ка я один огненный шар. Спать не лягу, дождусь тебя. Запалим его вместе и отпустим в небеса. Как тебе такой план?

– Супер! – сказал Дуглас.

И повел мисс Леонору Уэлкс вдоль по улице, по теплому летнему тротуару, и всю дорогу до кинотеатра «Элит» у них с языка не сходили мистер Лонгфелло, мистер Уиттиер и мистер Эдгар По.

Мисс Бидвелл

1950

Летними вечерами, с семи до девяти, почтенная мисс Бидвелл сживала в скрипучем кресле-качалке за стаканом лимонада на крыльце своего дома, что стоял на Сент-Джеймс-стрит. Ровно в девять с негромким стуком закрывалась дверь, поворачивался в замке медный ключ, с шорохом опускались жалюзи, и особняк погружался в темноту.

Заведенный порядок никогда не менялся. Старушка жила одна, среди причудливых картин и запыленных книг, в компании желтозубого рояля да музыкальной шкатулки, которая, если ее завести, потрескивала, как пузырьки лимонной шипучки. Мисс Бидвелл кивала каждому, кто проходил мимо, и всем было любопытно, почему в дом не ведут ступеньки. Ни со стороны дощатого крыльца, ни с черного хода; да и то сказать, мисс Бидвелл уже сорок лет не выходила из дому. В далеком тысяча девятьсот девятом году она приказала срубить обе лестницы и огородить входы.

Осенью, когда подходил срок все запирать на замки, забивать досками, укрывать от непогоды, она в последний раз выпивала лимонад на стылом, неуютном крыльце, а потом затаскивала в дом плетеное кресло-качалку, чтобы исчезнуть до весны.

– Вот, сейчас уйдет, – сказал мистер Уидмер, бакалейщик, указывая в ее сторону красным яблоком. – Можете убедиться. – Он постучал пальцем по настенному календарю. – На дворе сентябрь, вчера был День труда; а времени сейчас – ровно девять вечера.

Немногочисленные покупатели уставились на дом мисс Бидвелл. Старушка, напоследок поглядев через плечо, скрылась за дверью.

– До первого мая вы ее не увидите, – объяснил мистер Уидмер. – У нее в кухонной стене пробито маленькое оконце. Я отпираю ставни своим ключом, чтобы просунуть туда пакет с продуктами. На подоконнике нахожу конверт с деньгами и список заказов. А сама хозяйка носу не кажет.

– Чем же она занимается всю зиму?

– Одному богу известно. У нее уж сорок лет как установлен телефон, только она к нему не подходит.

В доме мисс Бидвелл было темно.

Мистер Уидмер аппетитно хрустнул сочным яблоком:

– К тому же сорок лет назад приказала снести лестницу.

– Почему? Скончались ее родители?

– Их не стало задолго до этого.

– Умер муж? Или кто-то из детей?

– Ни мужа, ни детей у нее отродясь не было. Встречалась, правда, с одним парнем – тот все рвался мир посмотреть. Вроде как собирались пожениться. Он, бывало, сядет на крыльце с гитарой и поет для нее одной. А в один прекрасный день вдруг отправился на вокзал да и купил себе билет до Аризоны, оттуда рванул в Калифорнию, а потом в Китай.

– Долгонько же у нее теплится огонек.

Все посмеялись, но негромко и уважительно, потому что это было грустной истиной.

– Как по-вашему, она когда-нибудь выйдет на улицу?

– Да ведь ей за семьдесят. Из года в год я только и делаю, что жду первого мая. Если в этот день она не появится на крыльце, чтобы сесть в кресло, я пойму, что ее нет в живых. Тогда придется звонить в полицию.

Покупатели разошлись, пожелав друг другу доброй ночи, а мистер Уидмер остался стоять в неярком свете бакалейной лавки.

Надевая пальто, он прислушивался к завываниям ветра. Да, из года в год. И каждый год он замечал, что старушка одряхлела еще больше. Она возникала чуть поодаль, будто за стеклом барометра, где к ясной погоде появляется женская фигурка, а в преддверии ненастья – мужская. Но этот барометр оказался неисправен, в нем появлялась только женщина, а мужчина – никогда, ни при какой погоде. Сколько тысяч июльских и августовских вечеров выходила она на крыльцо, отделенное от тротуара зеленой лужайкой, непреодолимой, как река, кишасшая крокодилами? Сорок лет копились такие ночи в захолустном городке. На сколько это потянет, если прикинуть на весах? Для него – не тяжелее перышка, а для нее?

Мистер Уидмер уже надевал шляпу, когда увидел этого незнакомца. Тот брел по другой стороне улицы – старик, освещенный светом единственного уличного фонаря. Он присматривался к номерам домов, а дойдя до угла и различив номер 11, остановился и заглянул в темные окна.

– Не может быть! – ахнул мистер Уидмер, выключил свет и, окутанный уютными бакалейными запахами, стал наблюдать за стариком через стекло витрины. – Надо же, ведь столько воды утекло.

Он покачал головой. Стоит ли так волноваться? Не пора ли за сорок лет привыкнуть, что у него ежедневно, по меньшей мере раз в сутки, учащается сердцебиение, если кто-то замедляет шаги у дома мисс Бидвелл? Каждый прохожий, который останавливался у этого запертого дома, пусть даже для того, чтобы просто завязать шнурок, попадал на заметку мистеру Уидмеру.

«Не ты ли тот прохиндей, что сбежал от нашей мисс Бидвелл?» – молча вопрошал он.

Однажды, лет тридцать назад, мистер Уидмер, как был, в белом фартуке, хлопавшем на ветру, бросился на другую сторону улицы и преградил путь какому-то парню:

– Ага, тут как тут!

– В чем дело? – растерялся прохожий.

– Не вы ли будете мистер Роберт Фарр, который дарил ей красные гвоздики, играл на гитаре и пел?

– Нет-нет, моя фамилия Корли. – И молодой человек вытащил образцы шелковой ткани, предлагаемой на продажу.

С годами бакалейщик начал беспокоиться: если мистер Фарр и вправду надумает вернуться, как же его опознать? Мистеру Уидмеру запомнились размашистые шаги и открытое молодое лицо. Но случается, за четыре десятка лет время очищает человека от шелухи, иссушает костяк и вытравливает плоть, будто для искусного офорта. Возможно, в один прекрасный день мистер Фарр вернется, как гончий пес, взявший старый след, но, по недосмотру мистера Уидмера, решит, что ее дом заколочен, задвинут в прошлый век, – и уйдет восвояси в полном неведении. Возможно, такое уже произошло!

А пока за окном маячил все тот же незнакомец, престарелый и непостижимый, появившийся в сентябре, после Дня труда, в четверть десятого вечера. У него плохо гнулись ноги, спина горбилась, а взгляд был устремлен в сторону фамильного особняка Бидвеллов.

– Последняя попытка, – пробормотал мистер Уидмер. – Суну-ка я свой нос куда не просят.

Неслышно ступив на прохладную брусчатку, он двинулся к противоположному тротуару. Старик обернулся.

– Добрый вечер, – приветствовал его мистер Уидмер.

– Подскажите, пожалуйста, – сказал старик, – это, как и прежде, дом Бидвеллов?

– Совершенно верно.

– Там кто-нибудь проживает?

– Мисс Энн Бидвелл.

– Благодарю вас.

– Доброй ночи.

У мистера Уидмера бешено заколотилось сердце, и он отошел, ругая себя последними словами. Почему ты ни о чем не спросил, болван? А вы почему промолчали, мистер Фарр? Ведь это вы, мистер Фарр?

Но ответ был известен. Ему страстно хотелось, чтобы на сей раз это непременно оказался мистер Фарр. Осуществить такое желание можно было одним-единственным способом: оставить в покое мыльный пузырь действительности. А ответ на вопрос, заданный в лоб, грозил разрушить мечту. Нет, я не мистер Фарр, нет, я не он. Если же не задавать лишних вопросов, то можно было преспокойно подняться к себе в спальню, лечь в постель и добрый час рисовать в своем воображении старомодные, окрашенные неуместной романтикой картины возвращения странника в родные края после долгих скитаний по городам и весям. Это был самый сладостный обман. Никто ведь не спрашивает у сна, видим ли мы его наяву, иначе наступает пробуждение. Ну ладно, пусть тот старик (налоговый инспектор, мусорщик – не все ли равно?) хотя бы на одну ночь станет пропавшим скитальцем.

Вернувшись к своей лавке, мистер Уидмер вошел через боковую дверь и поднялся наверх по узкой, темной лестнице в квартиру, где сладко спала его жена.

«Допустим, это и вправду он, – размышлял бакалейщик, лежа под одеялом. – Начнет бить кулаком в стены, дубасить в дверь черного хода палкой от швабры, стучаться в окна, названивать по телефону, просовывать под дверь свою визитную карточку – чем черт не шутит?»

Мистер Уидмер повернулся на бок.

А она-то отзовется? – гадал он. Удостоит ли его своим вниманием, сделает ли шаг навстречу? Или так и останется в доме без лестницы, с заколоченным крыльцом: будет расхаживать к дверям и обратно, притворяясь, будто не слышит, как он стучится и зовет ее по имени?

Бакалейщик перевернулся на другой бок.

Неужели мы, как всегда, увидим ее только в мае? Хватит ли у него терпения... полгода стучаться, повторять ее имя и ждать?

Выбравшись из постели, мистер Уидмер подошел к окну. На зеленой лужайке, прислонясь к цоколю большого темного особняка, возле крыльца без ступенек маячил все тот же старик. Почудилось ли это, или он действительно звал ее по имени, стоя под раскрашенными осенью деревьями, под неосвещенными окнами?

* * *

С утра пораньше мистер Уидмер оглядел из окна лужайку мисс Бидвелл.

Там никого не было.

– Видно, померещилось, – пробормотал мистер Уидмер. – Значит, беседовал я с фонарным столбом. Это мне яблочный сок ударил в голову – забродил, не иначе.

Было семь утра. Миссис Терл и миссис Адамс зашли в непрогретую лавку за беконом, яйцами и молоком. Мистер Уидмер осторожно коснулся щекотливой темы:

– Скажите, вы вчера вечером никого не заметили у дома мисс Бидвелл?

– Разве там кто-то был? – удивились покупательницы.

– Мне показалось, я кого-то видел.

– Я лично никого не видела, – сказали обе.

– Это все яблоко, – пробормотал мистер Уидмер. – Чистый сидр.

Дверь хлопнула, и мистер Уидмер совсем сник. Никто ничего не видел; не иначе как это было наваждение, ведь он слишком долго примерял на себя чужую жизнь.

Улицы были еще пусты, но городок мало-помалу стряхивал сон. Багровый шар солнца занимался прямо над часами на башне суда. Мир укрылся прохладным покровом росы. Роса тронула все травинки, все кирпичи мостовой, каплями падала с вязов и кленов, с оголенных яблонь.

Мистер Уидмер медленно и осторожно перешел безлюдную улицу и остановился на тротуаре. Перед ним раскинулась лужайка мисс Бидвелл, словно необъятное зеленое море выпавшей за ночь росы. И опять у мистера Уидмера тревожно застучало сердце. Потому что среди росы отчетливо виднелись бесчисленные следы – вокруг дома, под окнами, возле кустов, у дверей. Следы на искрящейся траве, следы, которые таяли по мере того, как всходило солнце.

День тянулся медленно. У себя в лавке мистер Уидмер старался держаться поближе к окнам, но так ничего не заметил. На закате он присел под навесом и закурил.

Видно, старик ушел и больше не появится. Она не откликнулась. Я ее знаю – гордая старуха. Говорят, чем дряхлей, тем больше гордыни. Не иначе как он опять уехал на поезде. Ну почему я не спросил, как его зовут? Почему вместе с ним не постучался в дверь?

Но факт оставался фактом: не спросил, не постучался – потому и чувствовал себя виновником трагедии, которая уже не укладывалась у него в голове.

Нет, он больше не вернется. И так промучился ночь напролет у нее под окнами. Ушел, похоже, перед самым рассветом. Следы-то совсем свежие.

Восемь часов. Половина девятого. Никаких перемен. Девять. Половина десятого. Никаких перемен. Мистер Уидмер допоздна не закрывал магазин, хотя покупателей не было.

После одиннадцати он присел к окну своей квартирки на втором этаже – не то чтобы специально шпионил, но и не ложился спать.

В половине двенадцатого, когда негромко пробили часы, все тот же незнакомец прошел по улице и остановился у дома мисс Бидвелл.

«Ясное дело! – воскликнул про себя мистер Уидмер. – Боится, как бы его не увидели. Днем небось отсыпался, отсиживался в укромном месте. Что люди-то подумают? Надо же, так и кружит возле ее дома».

Мистер Уидмер прислушался.

И опять услышал все тот же голос. Как стрекот запоздалого сверчка, как последний шелест последнего дубового листа. У парадного крыльца, у черного хода, под окнами. О, завтра, когда взойдет солнце, на лужайке будет миллион неспешных следов.

А она-то *слышит*?

«Энн, Энн, прошу тебя, Энн!» Кажется, именно это он и твердил? «Энн, ты меня слышишь, Энн?» Разве не так молит припозднившийся гуляка?

Тут мистера Уидмера словно подбросило.

* * *

А вдруг она ничего *не слышала*? Кто поручится, что она не оглохла? Семьдесят лет жизни – достаточный срок, чтобы уши затянуло паутиной; кое у кого серая вата времени постепенно поглощает все звуки, обрекая человека на ватно-шерстяную тишину. Долгих тридцать лет с ней никто не разговаривал, а прохожие открывали рты только для того, чтобы поздороваться. Что, если она оглохла и лежит, всеми забытая, в холодной постели, как маленькая девочка, заигравшаяся в долгую игру, даже не подозревая, что кто-то стучится в дребезжащие окна, кличет ее из-за облупившейся двери, ступает по мягкой траве вокруг закрытого дома? Возможно, это немощь, а не гордыня помешала ей ответить!

Мистер Уидмер пробрался в гостиную и потихоньку снял телефонную трубку, а сам краем глаза следил за дверью в спальню – не хотел будить жену. Услышав голос телефонистки, он попросил:

– Хелен? Соедините меня с номером семьсот двадцать девять.

– Это вы, мистер Уидмер? Поздновато звонить по этому номеру.

– Ничего страшного.

– Как знаете, только она не подойдет. Никогда не отвечает на звонки. И сама на моей памяти никому не звонила.

Раздались длинные гудки. Их было уже шесть, но все напрасно.

– Продолжайте дозваниваться, Хелен.

Пропело еще двенадцать гудков. По лицу бакалейщика струился пот. На другом конце провода сняли трубку.

– Мисс Бидвелл! – закричал мистер Уидмер, чуть не упав в обморок от облегчения. – Мисс Бидвелл? – Он понизил голос. – С вами говорит мистер Уидмер, хозяин бакалейной лавки.

Ответа не последовало. Тем не менее на другом конце провода, в доме напротив, она держала трубку. В окно ему было видно, что ее дом погружен в темноту. Она подошла к телефону на ощупь.

– Мисс Бидвелл, вы меня слышите? – спросил он.

Молчание.

– Мисс Бидвелл, у меня к вам просьба.

Щелк.

– Не могли бы вы открыть дверь и выглянуть на улицу? – проговорил он.

– Она дала отбой, – сообщила Хелен. – Соединить заново?

– Нет, благодарю. – Он повесил трубку.

Ни в лучах рассвета, ни в теплый полуденный час, ни с наступлением сумерек из ее дома не донеслось ни звука. Через дорогу, в бакалейном магазинчике, стоял за прилавком мистер Уидмер, который твердил про себя: ну и дура! Что бы там между ними ни произошло – просто дура. Но все равно: еще не поздно. Пусть руки стали дряблыми и морщинистыми – это все же руки. Ее старый знакомец, проделавший далекий путь, остался, судя по виду, неприкаянным. Некоторые сознательно выбирают такую судьбу: они, как безумные, жаждут, чтобы вид за окном менялся каждую неделю, каждый месяц, каждый год, но с возрастом начинают сознавать, что всего лишь коллекционируют никчемные дороги и ненужные города, не более основательные, чем киношные декорации, и провожают глазами людей-манекенов, которые мелькают в витринах за окном медленного ночного поезда. Этот старик прожил жизнь среди тех, кому был безразличен, ведь он никогда и нигде не задерживался настолько, чтобы хоть кто-то обеспокоился, проснется ли он на рассвете или уже обратился в прах. Но вот он вспомнил «нее» и только тогда понял, что она среди них – единственная живая душа. Опоздав совсем чуть-чуть, он все же вскочил в последний вагон, сошел на нужной станции, дошагал сюда пешком и оказался у нее на лужайке, чувствуя себя последним идиотом; еще одна такая ночь – и он больше не вернется.

Это была третья ночь. Мистер Уидмер уже надумал перейти через дорогу, устроить пожар на крыльце дома мисс Бидвелл и вызвать пожарных. Тогда она точно выскочит на улицу, прямо в объятия к своему старичку, ей-богу!

Хотя... Так, стоп!

Мистер Уидмер поднял глаза к потолку. Наверху, на чердаке, – разве там не найдется средства против гордыни и времени? Нет ли там, в пыли, какого-нибудь наступательного оружия, подходящего к случаю? Чего-нибудь старого, как они сами – мистер Уидмер, старик и старушка? Когда на чердаке в последний раз была уборка? Никогда.

Нет, это уж чересчур. Ему не хватит решимости!
И все же это была последняя ночь. Оружие требовалось прямо сейчас.
Минут через десять раздался голос жены:
– Том, Том! Что за грохот? С чего это тебя на чердак понесло?

* * *

Старик появился в половине двенадцатого. Остановившись неподалеку от дома, лишенного ступенек, он как будто раздумывал, что бы еще предпринять, а потом быстро шагнул вперед и посмотрел под ноги.

Мистер Уидмер, замерев у верхнего окна, шептал:

– Ну давай, давай!

Старик нагнулся.

– Бери же! – выкрикнул мистер Уидмер.

Старик запустил руки в траву.

– Обмахни! Знаю, знаю, она вся в пыли. Но еще сгодится. Смахни пыль, играй!

Старик поднял с земли гитару, которую обнаружил при свете луны прямо посреди лужайки. Прошло немало времени, прежде чем он начал перебирать струны.

– Не тяни! – прошептал мистер Уидмер.

Прозвучал первый робкий аккорд.

– Давай! – молил мистер Уидмер. – Чего не добился голос, того добьется музыка. Вот так! Играй! Отлично, не останавливайся! – заклинал мистер Уидмер.

А сам думал: пой под окнами, пой под яблонями, пой у черного хода, пока гитарные аккорды не проберут ее до костей, пока у нее не польются слезы. Заставишь женщину плакать – считай, ты победил. Всю ее гордыню как рукой снимет, и музыка тебе в этом поможет. Пой ей песни, спой «Женевьеву», спой «Встретимся вечером в сонной стране», потом «Мы плывем по лунному заливу», потом «Длинную тропинку», припомни все старые летние песни, любые знакомые, негромкие, милые песни, пой мягко и тихо, легко перебирая струны, пой, играй, и, возможно, услышишь, как в замке поворачивается ключ!

Он прислушался.

Звуки гитары были чистыми и нежными, как ночные капельки росы, а через полчаса старик стал напевать, но так тихо, что никто его не слышал, кроме той, что была рядом, за стеной, в кровати, а может, у темного окна.

Мистер Уидмер улегся в постель и битый час лежал без движения, слушая далекую гитару.

* * *

Наутро миссис Терл сказала:

– Видела я этого бродягу.

– Неужели?

– Всю ночь на лужайке топтался. Бренчал на гитаре. Можете себе представить? До чего доводит старческий маразм! А кстати, кто он такой?

– Понятия не имею, – ответил мистер Уидмер.

– В шесть утра он двинулся со своей гитарой вдоль по улице, – сказала миссис Терл.

– Вот как? И не возвращался?

– Нет.

– Дверь-то ему так и не открыли?

– Конечно нет. А с какой стати?

– Да так. Вот увидите, он к ночи опять явится.

Покупательница ушла.

Сегодня все решится, думал мистер Уидмер. Еще одна ночь. Он теперь не отступит. Теперь, когда у него есть гитара, он непременно сделает еще одну попытку, и сегодня к ночи все уладится. Мистер Уидмер, насвистывая, хлопотал у себя в магазинчике.

У тротуара притормозил фургон; из кабины вылез Фрэнк Хендерсон, держа в руках пилу и ящик со столярными инструментами. Он обошел фургон и выгрузил из кузова десятка два свежих, смолистых, ароматных досок.

– Здорово, Фрэнк, – окликнул его мистер Уидмер. – Как успехи в плотницком деле?

– Сегодня пофартило, – ответил Фрэнк, сортируя ровные желтые доски и блестящие стальные гвозди. – Заказ получил.

– Где?

– У мисс Бидвелл.

– Это правда? – У мистера Уидмера привычно заколотилось сердце.

– А то как же! Час назад позвонила. Желает, чтобы я новые ступеньки к парадному крыльцу приладил. Прямо сегодня.

Мистер Уидмер прирос к месту, глядя на руки плотника, на молотки и гвозди, на добрый, свежий, качественный тес. Солнце поднималось все выше, день выдался погожий.

– Понятно, – сказал мистер Уидмер, взваливая на плечо пару досок. – Давай-ка подсоблю.

Они перешли через мостовую и зашагали бок о бок по зеленой лужайке к дому мисс Бидвелл, неся с собой доски, пилу и гвозди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.